

Александр Градский:

Александр Борисович Градский — одиночка. Может быть, это родовая черта гения, а может, просто так сложилось. Не сказать, чтобы его не признавали. Пластинки издавались и в советское время, и сейчас выходят. Музыку АБГ транслировали по радио, а самого его показывают по ТВ. Фильмы, к которым он сочинял музыку, шли широким прокатом. И последняя его работа для кинематографа — «В августе 44-го» не прошла незамеченной. Положа руку на сердце, следует признать, что и критика (серьезная, а не газетная) была к нему всегда доброжелательна. Нет и не было одного: армии фанатов и последователей.

Все знают, что Градский любит ругать коллег за недостаток профессионализма и природных данных. Иногда он просто брызжит. Захотелось послушать другого Градского — умиающего, каким он иногда бывает. Эта беседа состоялась в день рождения одного из самых одаренных русских скрипачей. Через два дня певец улетит в Нью-Йорк (куда ему и будет отправлен настоящий номер «Собеседника») — работать над новым CD. Выход русскоязычной версии альбома «Хрестоматия» намечен на начало 2003-го.

«У нас тут почти все фальшиво. Не только в музыке»

— Что такое композитор? Это человек, который соединит все, что он знает, в какую-то новую форму. И у меня это происходит абсолютно спокойно, в любой момент. Мне для этого не надо специально настраиваться, идеи приходят ко мне, где бы я ни был: в машине, в туалете, в ванной, в разговоре с друзьями, где угодно. Есть люди, которые специально отправляются в дома творчества, чтобы запереться там и в одиночестве работать. Я не могу себе представить, что я поеду куда-нибудь специально, приеду, закрою дверь и скажу себе: «Ну давай сочиняй!»

— Вы прямо как Моцарт. Гуляка, праздник, кутяла, дамский угодник, а потом сидишь и р-раз — дуэт для скрипки и альта.

Камбурова мне всегда была интереснее Пугачевой

— А вы?

— Не остается времени, чтобы со стороны обозреть свой медальный профиль в попытке определить, до какой же степени ты талантлив. На самом деле это выяснится уже после смерти, причем не сразу. Все познается в сравнении. Если, например, взять партитуры того же Моцарта или Бетховена — я вижу, что мне есть куда расти. Если брать Рэй Чарльза — я кое-что могу делать, как он, или даже лучше, чем он, а очень многое — хуже. Но точно знаю, что Рэй Чарльз ни при каких условиях не смог бы спеть романс Немарины из «Любовного напитка» Доницетти. Когда я слушаю Марию Каллас, я тоже понимаю, что у меня есть варианты роста. Если же сравнивать себя с каким-либо знаменитым тенором из ныне живущих, то я вижу, что уже многое или почти все умею делать так же, как он. Зато он не умеет так петь рок-н-ролла.

— Помимо Дани и Маши, в число ваших детей, по мнению журналистов, входит и отечественный рок...

— По мне, так русского рока вообще не случилось. Ведь рок начинается с музыки. Это не стихи, не лозунги, не реп в стиле Винни-Пуха: «сопельки, бурчалки, кричалки, вопилки». И даже высокий социальный статус отечественных рокеров 70—80-х годов недостаточен для того, чтобы данное явление называть музыкальным.

Впрочем, невзирая на скепсис, я всегда поддерживал то, что делали и питерцы («Аквариум», «Алиса», «Кино», «Зоопарк»), и москвичи. Но делал это из соображений меньшего зла. Их музыка была более честной, чем все остальное.

— И все-таки, Александр Борисович, рок-н-ролл — жив?

— Это смотря на чей вопрос отвечать. Если на вопрос одной известной английской рок-группы, то жив. Если же отвечать на то, что потом было перефразировано, то — сто процентов! — этот их ё... рок-н-ролл, даже не разлившийся, помер. Они не сделали его. Были попытки. Более трескотные музыканты из самых разных городов в какой-то момент могли это движение создать. Это были и Москва, и Питер... Иногда даже какие-то неожиданные города типа Архангельска...

— А Свердловск?

— Чуть-чуть меньше. Свердловск — уже совершенно эстрадная музыка. После «Урфин Джуса» — это как бы эстрада. И хорошая. Мне нравились «Наугитус» — их первые шесть-семь вещей, но все равно это была эстрада.

Рок-н-ролл с легкой руки последователей Андриуса Макаревича — хотя Андриуса-то сам был и остается куда другим рок-н-ролльным, чем другие — превратился во все что угодно, только не в музыку. Я это называю «школа СНГ» — Советская Народная Гитарная школа. Умения нет. Потому что для того, чтобы «музыкально уметь», надо знать все досконально, начиная с музыкальной школы. А заниматься всем этим человек начинает где-то около 20 лет, и о какой музыкальной школе можно говорить? Человек до 20 лет не знает нот! Получается, надо не выходить на сцену, надо брать Камбукову и Фридкина (книжки по музыкальной грамоте) и в течение трех-пяти лет не деньги зарабатывать, а заниматься основами музыкальной грамоты. Никто не стал заниматься пением! Никто не стал ставить себе голоса!

— А то на Западе все изучали музыкальную грамоту...

— На Западе поют чисто! Здесь у нас все поют фальшиво. Это тебя окружает, и ты не знаешь, что та-

кое — петь чисто. Есть два выхода. Выход первый: петь так же фальшиво и кричать, что ты супер. И выход второй: брать книжки и учиться петь грамотно. Вот ко мне пришла девочка — она из Крыма, занималась в Харькове, окончила консерваторию. Я ее стал распевать, и она показала мне, что у нее есть три октавы красивого, мощного голоса. Что там дальше будет, сможет стать выдающейся певицей или не сможет, я не знаю. Но у нее есть материал!

«Я стал патриотом гораздо раньше, чем Зюганов»

— Что нужно музыканту, помимо «материала», чтобы состояться?

— Каменная жопа! Помните, Молотов Ленин называл «каменной задницей»? Надо поверить в то, что учеба и профессиональное отношение к своему делу тебе дадут плюсы. А это очень трудно! Потому что уже хочется пять тысяч долларов за концерт! Уже хочется на лупоглазом «Мерседесе» рассекать! Уже хочется красивую девушку! Больше того, выясняется, что стоит тебе только глазом моргнуть, как все это, в общем, уже и есть.

У нас в свое время таких шансов не было. Поэтому нам легко было сделать выбор. От пиджака отказаться легко, а от «Мерседеса» — тяжело.

Если бы я сейчас начинал, я бы здесь ни секунды не задержался! Я бы уехал тут же в Англию или Америку. Сразу! Потому что у меня были данные! И тогда я мог бы жить и здесь, и там. Ведь проблема моя была в том, что я не мог уехать. По-

Однажды приехал, сбежав из армии, Саша Буйнов. Мы, значит, накрыли его одеялом, чтобы гости не смогли врубиться, кто это там такой: сюрприз хотели друзьям устроить. Заходит бабушка, смотрит на одеяло и говорит: «Буйнов, ты когда носки-то сменишь?»

тому что я не мог вернуться. Тогда ведь как отъезжающих спрашивали: «Ты — навсегда!» Уехать навсегда я не мог.

Так что я — патриот России и стал им гораздо раньше, чем Зюганов и Баркашов. Когда это было совершенно недопустимо! Когда слово «Россия» вообще нельзя было произносить! То есть СССР — и точка.

— Значит, от титула «отец советского рока» вы отказываетесь?

— Х-ха... Долгое время со мной жила бабушка. Так вот она считалась бабушкой всего русского рок-н-ролла, потому что все мои друзья и коллеги периода ранней молодости были людьми бедными, они у нас частенько столовались. Юмор юмором, но так ее и называли: «бабушка русского рока».

Она с пониманием относилась ко всем моим увлечениям, в том числе и любовным, говорила только: «Развели здесь бардак. Пойду к соседке Нине Ивановне, раз вы такие идиоты. Потому что видеть этого не могу». И уходила на 2—3 часа. Нам этого было достаточно.

У нее были фантастические способности. Однажды приехал, сбежав из армии, Саша Буйнов. Мы, значит, накрыли его одеялом, чтобы гости не смогли врубиться, кто это там такой: сюрприз хотели друзьям устроить. Заходит бабушка, смотрит на одеяло и говорит: «Буйнов, ты когда носки-то сменишь?» Не получилось сюрприза.

— Вообще вы из музыкальной семьи?

— Мой родной дядя танцевал в ансамбле под руководством Моисеева и часто ездил за границу, откуда привозил мне американские пластинки. Отсюда моя любовь к раннему Пресли, к Элле Фицджеральд, к Армстронгу.

Родители слушали музыку, и я тоже приобщился к этому делу — вот и все, это первое. Второе — то, что в средних семьях, какой была наша, стало модно (именно «модно», а не «престижно», тогда и слова-то такого не было) отдавать детей в музыкальную школу. Это стоило 7 руб. 50 коп. в месяц. Меня попросили прохлопать, протопать, и я сразу попал в Гнесинскую школу, где учился по классу скрипки. Мой педагог ушел из этой школы, перешел в районную, и мы всем классом ушли за ним. Хороший педагог был, если за ним 30 человек ушли из Гнесинской школы в районную.

Ну, а увлечение «Битлз» привело меня к мысли, что надо продолжать профессиональное образование. Я ведь учился в двух вузах: в Гнесинском институте и в Московской консерватории.

— Насколько известно, ваша мама закончила ГИТИС.

— Да, театральный факультет, но это со-о-о-ем другой факультет! Мама была профессиональной артисткой, потом профессиональным режиссером. Правда, работала она на Урале не с профессиональным коллективом, но многие ее ученики поступили потом в театральные вузы.

Мне было 13 лет, когда мама умерла, и я был предоставлен сам

себе после того, как нас обоих забраковали на «Мосфильме», где искали мальчика, умеющего играть на гитаре. Вот мы и решили создать бит-группу. Потом к нам присоединились басист и барабанщик.

— А почему именно вы ее возглавили?

— Мне приходилось лидировать не только по части творческой, но и в хозяйственных вопросах: я был самым прижимистым, что ли. Поэтому все решили, что у меня все будет в сохранности. За себя никто поручиться не мог. Поэтому у меня очень часто возникали проблемы с коллегами по группе. То и дело им требовались деньги на пиво, водку и на девок. Они, естественно, их не получали, поэтому бывали конфликты. Впрочем, на девочек практически не нужно было тратить. Они были романтические и любили нас просто так. В основном деньги шли на приобретение или улучшение аппаратуры... и еду. Никаких там особых костюмов, шмоток, тем более машин, ни у кого не было.

«Первый всегда получает первые шишки»

— Есть мнение, что вы несколько раньше, чем надо, начинаете делать какие-то вещи... Что если бы чуть позже, это просто лучше бы понималось...

— Я сам так думаю, потому что для меня это лестно. Я первым начал выступать один, без группы, под гитару, с тем чтобы лучше донести стихи до публики. Мне говорили: зачем ты это делаешь? Лет через пять это стали делать все. Когда я впервые сделал работу на русских

стихи и на народную тематику, раковали на «Мосфильме», где искали мальчика, умеющего играть на гитаре. Вот мы и решили создать бит-группу. Потом к нам присоединились басист и барабанщик.

К чему я это? К тому, что, наконец, человек, который делает что-то раньше других, получает свои шишки. И я их в общем-то получил... С прикидом то же самое. Я первый вышел на сцену весь в черном. Это было еще во времена Советского Союза. Кстати, всегда считал, что Владимир Высоцкий должен работать в черном. Но он обычно работал в темно-зеленом. Или в голубых джинсах и в зеленом свитерке. Черный цвет в его концертной одежде почти не присутствовал. Бывало, но редко. Черный свитер и зеленые брюки. А я всегда в черном. Сейчас весь Нью-Йорк на черном помешался, а за ним и Москва. Я ношу черное и дома, и на работе. Коричневая кожаная куртка — это максимум, что я могу себе позволить. У меня даже маек черных штук 20.

— Говорят, всякая музыка выражает свое время. Наше время какой музыкой выражается лучше всего?

— Всякой — в более или менее равных пропорциях. Это, конечно, несбыточное предложение, потому что так называемая музыка развивается сегодня насаждается по всем каналам. Но если будут выдерживаться какие-то временные рамки, то о конкуренции вообще не будет разговора — плохую, поверхностную музыку не будут слушать. У нас уже начинается движение снизу, информация до людей быстро доходит, но долетает русский способ объяснения

действительности: мол, у нас и так сойдет, конечно, это на Западе иной уровень, а у нас все так и должно быть, и мы в том дерьме, которое нас окружает, должны находить для себя приятное.

— А что, не так? Даже собственная гордость...

— Это абсолютно ложная позиция, потому что Россия ничем не хуже остального мира, а во многом, может быть, даже и интереснее. Она всегда была одним из центров мировой культуры и сейчас, несмотря на все трудности, продолжает им оставаться. Просто у нашего народа с мировой культурой особые взаимоотношения. Культура — это достояние элиты. В первые годы после революции была попытка внедрения образов высокой культуры в широкие массы, при этом одни образцы культуры считались плохими, народными, формалистическими, другие — истинными, народными и т.д. Лучшие образцы легкого жанра — Вертинский, Утесов были прак-

— От пиджака отказаться легко, от «Мерседеса» — тяжело

тически под запретом, я уж не говорю о какой-то просто развлекательной. Иосифом Сталиным и его окружением насаждалась классика в чистом виде, без какой-либо попытки осовременивания. Даже великие Шостакович и Прокофьев звучали в эфире в несоизмеримо малой пропорции по отношению к классике.

Весь народ вслед за вождем любил классику и слушал ее по радио с утра до вечера, а дома, конечно, плясали под «Гоп со смыком — это буду я», изданный Утесовым на «ребрах». То есть на официальном уровне любой образованный человек — учитель, инженер, врач не задавался вопросом, какая музыка хорошая. Было ясно, что это — Чайковский, Глинка, Бородин, Бетховен, Шуберт, Бах... В Большой театр попасть на балет с Улановой — это счастье, в настоящий театр попасть — в Малый, МХАТ, Вахтангова — это потрясающе, в зал филармонии — не пробиться.

Но сегодня общественный вкус находится в процессе формирования, и, пока все это не переболело, приходится терпеть. Долгое время, лет 30—40, будет формироваться вкус, а потом все вернется на круги своя. Опять вернется классика. Когда начинаешь заниматься музыкой, музыка тут же начинает заниматься тобой. То есть формировать тебя самого, твои взгляды, вкусы.

«Купили на «Мерсе» — не моя аудитория»

— Собственные ваши вкусы сильно изменились с юности?

— Как мне нравилось то, что делают Бернес и Шульженко, так нравится и сейчас. Видите, я говорю все время в настоящем времени. Потому что для меня, например, Карузо поет сейчас. Я ставлю его пластинку, и он поет сейчас.

Эти вещи не умирают. Может умереть тело. Но, к счастью, звукозапись оставляет нам все это как реальное жизненное действие.

— А как вы миритесь с певцами и музыкантами, которые собирают огромные аудитории, ничего не умея делать на сцене?

— Они мне абсолютно до фени. Их существование или несуществование, их доходы, их жизнь волнуют, очевидно, только журналистов и тех людей, которые у них на содержании или у которых они на содержании. Понять этих людей и даже оправдать я могу. Они — живут. Они больше ничего не умеют — таланта Бог не дал. Что делать? Надо кормить семью. Но не хочется ведь работать на мажорной фабрике! Хотя судьба тебя к этому как раз и предполагала! Генеральному сказано у Саши Черного: «Рожденный быть кассиром в тире, а не в филармонии — не пробиться. Семен Бунов сверх всяких ожиданий игрой судьбы в редакторский попал». Читай: в левых, музыканты, политики... Точнее не скажешь! Ну нельзя же некому Семену Бубнову ругать за то, что он был рожден кассиром, а не хочет им быть! А хочет на сцене петь! Если ему это позволено, если люди платят еще и деньги за то, чтобы послушать даже не живое исполнение Бубнова, а его фонограмму. Это своего рода договоренность между публикой и исполнителем, между исполнителем и критикой, между критикой и телевизионщиками... Она может только восхищаться, но порицать ее бессмысленно. Ибо как только ты начинаешь что-то и кого-то порицать, ты вступаешь с ними на одну доску. Я — на другой доске.

— Вы писали на стихи Элнора, Бернеса, Черного — кто вам ближе всего сегодня?

— Не моя. ■ Евгений Додолев, Манон Леско.

— Идеи приходят ко мне везде: в машине, в ванной, где угодно...

— Тот, на чьи стихи я никогда не стану сочинять музыку. Это — Александр Сергеевич Пушкин.

— Аудитория у вас сильно меняется?

— Молодежь предыдущих поколений была более близка к сатире и экзистенциализму, к его отчаянию. У сегодняшней молодежи, скажем так, больше романтики. При Советском Союзе была нужна интеллектуальная пища? Да потому, что все вокруг было страшно глупо, пошло и душно. Дикое, смешное вранье с утра до ночи и по телевидению, и в газетах, и в политической, и в социальной жизни — сплошное обывательство. Вот молодежи в качестве внутреннего протеста и хотела духовного развития в разных формах — будь то музыка, стихи хорошие или вечера самодельной песни. Конечно, мы отделились от вас, современники, мы будем жить иначе, у нас будет свой духовный мир, и мы будем его противопоставлять вашей гнилой идеологии.

Сегодня эти люди, которые жаждали духовности, надели всем своей нудой, они только ныли, а действия от них было мало. На первое место в обществе официально вышли деньги, получение удовольствия, красивых вещей, еды. Все это стало возможно, легко доступно, и не надо ради этого унижаться, надо зарабатывать. Все это изобилие настолько обескуражило публику — ну разве можно было себе представить в ближайшем киоске 20 сортов водки?! — что у многих извозности выбора голова крутом пошла. Настоящие сейчас жизни вокруг денег построена, что настоящая молодежь хочет отхода от вешизма. Я говорю о той молодежи, которая ищет смысл жизни, а не о той, которая согласилась с этим потоком. Если раньше купчик катил на тройке, то теперь — на «Мерсе», если раньше он показывал свой кураж, развывая посуду в ресторане, то и теперь он снимает «Метрополи». Вообще богатый человек — это не просто деньги, это еще и стиль, не машиной пиджака, а скромным темно-синим тысяч за пять долларов. Если спорт — то теннис, гольф. Если музыка — то Моцарт, если вуз — то Оксфорд, если ботинки — то чистые, черные, скромные, но каждый день новые. Это все дикий снобизм, для меня неприемлемый, но общий стиль богатея мира известен, и музыка для них — только классика.

— То есть это не ваша аудитория?

— Не моя.

— Моя первая гитара была пятиструнной

фото Владимира Персина

фото Натальи Логиновой

фото Ильи Белова